

Вадим Вилинбахов



ГЕНЕРАЛ

«ОТ ПРОНУНСИМЕНТО»

Handwritten text in cursive script, mostly illegible due to fading and bleed-through from the reverse side of the page.



ИМПЕРАТОРСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ ЗЕМЛѢ
ТЕЛЕГРАММА № 209
 193. Слони.

Слони
 Императору 5 февраля 1882

Слони Императору

Слони Императору

Слони Императору

Слони Императору

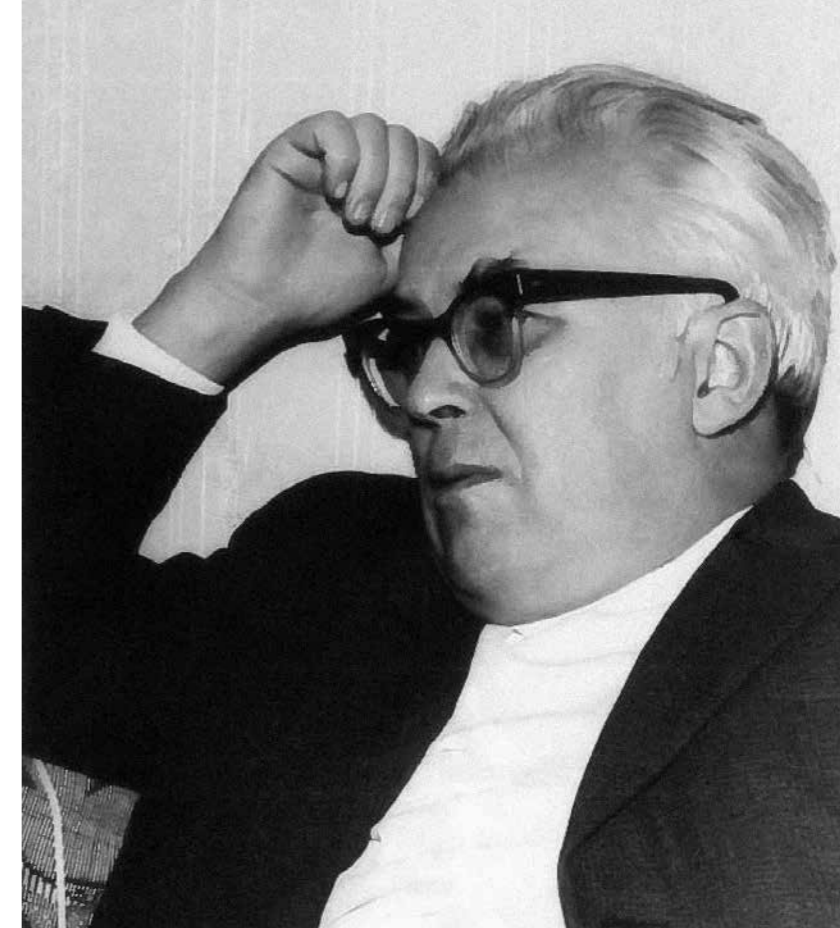
Об авторе



Вадим Борисович Вилинбахов родился 26 октября 1924 года в городе Старая Русса Новгородской губернии в семье военнослужащего. Вскоре семья переехала в Ленинград. До начала Великой Отечественной войны окончил 9 классов. В 1941-м вместе с родителями был эвакуирован в Башкирию, в городок Бирск, где поступил в Ленинградское училище Воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). В 1942 году выпущен младшим лейтенантом. Воевал в составе Южного, а затем 3-го Украинского фронта. Войну закончил в Вене. После окончания войны продолжал службу в армии в Черновцах, Баку, Ленинграде. Демобилизовался в 1954-м.

С детства Вадима Борисовича интересовала история, прежде всего, история военная. Не случайно, что однажды на день рождения отец подарил ему книгу «Действия батарей Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады в Турецкую войну 1877-1878 гг.», изданную в Петербурге в 1888 году. Дарственная надпись была короткой: «Будущему Наполеону от отца в день пятнадцатилетия 26/X1939 г.» Можно сказать, что с этой книги началась библиотечная коллекция военной литературы будущего историка. В 1953-1955 годах Вадим Борисович активно участвовал в работе Военно-исторической группы, а затем секции Дома ученых им. Максима Горького в качестве секретаря, а затем ученого секретаря. На заседаниях секции им было сделано несколько самобытных докладов. Кроме того, он принимал активное участие в работе по наблюдению за состоянием военно-исторических памятников в Ленинграде и окрестностях. После демобилизации Вадим Борисович закончил вечернюю школу и поступил на заочное отделение исторического факультета Ленинградского Государственного Университета. В это время он являлся членом постоянно действующей комиссии по охране памятников, где готовил научно-исторические справки, необходимые для оформления «паспортов», подтверждавших историческую ценность отдельных зданий в Ленинграде, которыми владели или в которых жили такие великие соотечественники, как Михаил Кутузов, Александр Суворов, Федор Шаляпин, Кондратий Рылеев, Петр Чайковский, Александр Блок...

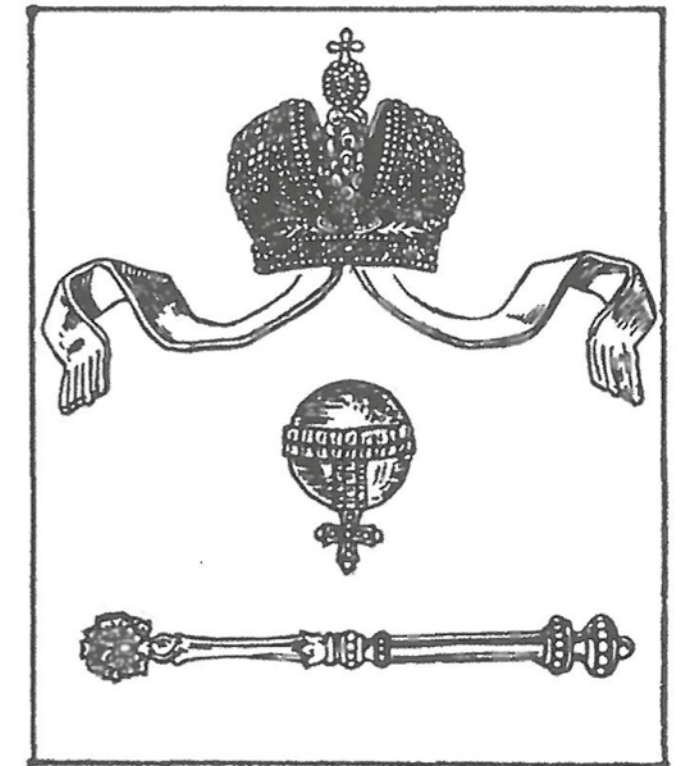
С 1956 года Вадим Вилинбахов служил младшим научным сотрудником в Ленинградском отделении института истории естествознания и техники. В эти годы он продолжает интересоваться военной историей России, в частности, историей военного дела в Древней Руси и историей военной техники. В 1963 году он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси». В 1960-е годы работает заведующим справочно-библиографическим отделом Центральной библиотеки Ленинградского Государственного Университета, заме-



стителем директора музея-квартиры Федора Достоевского, ученым секретарем Музея истории религии и атеизма. Все это время продолжает публиковать статьи и монографии по военной истории Древней Руси, истории средневекового Новгорода. А в Ленинградском университете читает курсы по истории Новгорода и исторической географии. А также - лекции по истории России для абитуриентов.

Занятия историей Древней Руси естественно приводят его и к изучению истории славян, в частности, роли балтийских славян в создании древнерусского государства. Многие его работы по этой теме печатались в Польше и ГДР. В 1960-1970 годах Вадим Борисович активно участвовал в работе секции научной фантастики Ленинградского дома писателей. Тогда он близко знакомится с писателями-фантастами Борисом Стругацким, Ильей Варшавским, Ольгой Ларионовой, Александром Мееровым... Со многими из них он дружил до конца жизни. Постепенно интерес к аномальным природным явлениям, парапсихологии, уфологии стал основным для Вадима Борисовича. В мае 1981 года из группы энтузиастов, увлеченных этой проблематикой, в Географическом обществе Ленинградского Дома ученых сформировалась полноценная комиссия по изучению аномальных явлений в окружающей среде, председателем которой со временем стал Вадим Борисович. В это время стали налаживаться связи с коллегами из разных городов СССР. Делались попытки объединения всех интересующихся этой темой, шла активная работа по созданию базы данных и переводам иностранных публикаций и научных трудов. На страницах советских журналов и газет - пусть и нечасто - стали появляться статьи соответствующего содержания. Так случилось, что в преддверии тех возможностей, которые вскоре открылись перед соратниками и последователями, Вадим Борисович уходит из жизни. Это печальное событие произошло 4 октября 1982 года. Вадим Борисович покоится на Северном кладбище в Санкт-Петербурге.

Вашему вниманию предлагается одна из интереснейших исследовательских работ Вадима Вилинбахова, посвященная теме, с которой он был связан всю сознательную жизнь - теме русской военной истории. А именно, человеку, вписавшему в эту историю яркие страницы - замечательному русскому полководцу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву.



Слева — царь Александр III.
Справа — В. В. Верещагин.
Фрагмент картины «Шипка — Шейново».
Генерал М. Д. Скобелев.

В. Б. Вилинбахов

Генерал «от пронунсименто»

Я в этом твердо уверен:
в политике, как на войне,
только невозможное — дей-
ствительно возможно!

М. Д. Скобелев

26 июня 1882 года Москва была воз-
буждена молниеносно распространившимся
известием: ночью в гостинице «Англия»
скоропостижно умер генерал Скобелев.

Народ день и ночь толпился у отеля

Дюссо, куда было перевезено тело покойно-
го. Когда гроб был поставлен в церковь
Трех святителей на Арбате, мимо него
в течение двух дней прошло более шести-
десяти тысяч человек. В день выноса от
церкви до вокзала весь путь, по которому
следовала похоронная процессия, покрыва-
ли лавровые и дубовые листья. Улицы
были переполнены народом. «Это шествие
триумфатора, а не похороны генерала», —
заметил один из очевидцев.

Такая же картина отмечалась и по всему
пути следования траурного поезда от Моск-
вы до Рязани. «Это было что-то до тех пор
неслыханное, — пишет Немирович-Данчен-
ко. — Крестьяне кидали свои полевые ра-
боты, фабричные оставляли свои заводы —
и все это валило к станциям, а то и так,
к полотну дороги... За Москвой на несколь-



ко верст стояла густая масса народа... За городом сейчас же мост. Тут по обе стороны его не видно было окрестностей за людьми... Под мостом, где можно, тоже столпились они. У самого полотна многие стояли на коленях... Все это под жаркими лучами солнца, натомившись от долгого ожидания... Уже с первой версты поезду пришлось поминутно останавливаться. Каждое село являлось со своим причтом, со своими иконами. Крестьяне служили по пути сотни панихид... Большая часть сел вышла навстречу с хоругвями — совершенно исключительное и небывалое явление»¹.

Михаил Дмитриевич Скобелев родился в 1843 году. Несмотря на то, что отец и дед его были генералами, род Скобелевых не принадлежал к числу знатных и вел свое

начало от однодворца Никиты Скобелева, который в XVIII веке дослужился до сержанта. Окончив Академию Генерального штаба, М. Д. Скобелев был направлен в Среднюю Азию, где сделал блестящую карьеру. Приехав туда в 1869 году капитаном Генерального штаба, через восемь лет он уехал в чине генерал-майора, генерал-адъютантом, награжденным золотым оружием и орденами св. Георгия 4-й и 3-й степеней.

Во время войны за освобождение Болгарии в 1877—1878 годах Скобелев прославился в боях под Плевной, во время форсирования Дуная и в особенности при переходе через Балканы и сражении Шип-

¹ В. И. Немирович-Данченко, Скобелев, ч. II. Спб., 1903, стр. 126—127.

ка — Шейново. Под именем «белого генерала» он был чрезвычайно широко известен в России и Болгарии.

Вскоре М. Д. Скобелев вновь был направлен в Среднюю Азию, где шли военные действия и его боевой талант мог найти себе применение. Кроме того, среди придворных кругов у молодого героя было достаточно много врагов, создавать которых он отлично умел, и его предпочитали держать подальше от столицы.

Во время Хивинского похода, когда войска Скобелева осаждали Геок-Тепе, произошло событие, на которое следует обратить внимание, как на первое звено в цепи таинственных обстоятельств, закончившихся трагедией в московской гостинице.

Летом 1880 года в столицу Восточной Румелии Филиппополь приехала мать Скобелева — Ольга Николаевна. Это была ее не первая поездка на Балканы. На этот раз она приехала, имея с собой громадную по тем временам сумму денег, что-то около миллиона рублей, нужных ей якобы для того, чтобы купить в Болгарии участок земли, на котором она хотела построить усадьбу и основать монастырь.

Ольга Николаевна разъезжала по стране, всюду восторженно встречаемая населением, чествовавшим ее, как мать национального героя. Она побывала в Карлово, Нову-Загоре, Казанлыке, Сливно и других городах. Во всех этих поездках ее постоянно сопровождал поручик Узатис.

Узатис родился в Нижнем Новгороде, в хорошо обеспеченной семье. Получил хорошее домашнее воспитание, свободно владел несколькими иностранными языками. Учился в Николаевском инженерном училище, из которого был исключен за какую-то юношескую шалость. В 1876 году добровольцем отправился в Черногорию и принял участие в военных действиях против турок. Во время войны за освобождение Болгарии поступил в русскую армию и служил в 16-й дивизии, которой командовал М. Д. Скобелев. В боях под Плевной обратил на себя внимание генерала. За храбрость был награжден несколькими боевыми орденами, включая высшую награду — орден св. Георгия 4-й степени, произведен в следующий чин и стал адъютантом Скобелева, очень ценившего храброго и исполнительного офицера. После окончания войны Узатис остался служить в частях русской армии, расквартированных на территории Болгарии. Здесь он принял деятельное участие в подготовке вооруженного восстания против турок в Македонии.

К моменту приезда О. Н. Скобелевой дело подготовки восстания зашло достаточно далеко. Узатис пользовался большим влиянием среди болгар и русских. Он славился своей честностью. Русский консул князь Церетелев настолько доверял ему, что неоднократно говорил: «Если бы у меня в консульстве было несколько миллионов денег, то в случае экстренной отлучки куда-нибудь я попросил бы Узатиса переселиться ко мне и быть на время моего отсутствия хранителем сокровища».

Однажды О. Н. Скобелева решила поехать в городок Чирпан и, как обычно, пригласила Узатиса сопровождать ее. Однако на этот раз поручик, сославшись на неотложные дела, отказался. Скобелева отправилась в путь в сопровождении горничной и унтер-офицера Иванова, взяв с собой для чего-то 46 тысяч рублей. Имея на руках такую крупную сумму, она почему-то поехала ночью, словно поездку нельзя было отложить на другой день.

Все это выглядит более чем странно. Создается определенное впечатление, что покупка земли под монастырь, ради которой якобы О. Н. Скобелева путешествовала по Болгарии, была лишь ширмой, скрывавшей истинные цели ее поездки. Скорее, пожалуй, эта поездка могла иметь отношение к деятельности тайных балканских организаций.

Однако это только предположения...

Недалеко от Филиппополя коляску Скобелевой неожиданно встретил Узатис, сопровождаемый двумя верными ему стражниками-черногорцами.

Ольга Николаевна остановила коляску. Узатис выхватил саблю и нанес удар. Скобелева, горничная и кучер были убиты. Раненому Иванову, пользуясь темнотой, удалось скрыться. Добравшись до города, он поднял тревогу...

Погоня настигла Узатиса у мельницы на реке Дермен-дере. Окруженный со всех сторон, поручик застрелился, унося в могилу тайну своего преступления².

М. Д. Скобелев, судя по всему, знал об истинных целях поездки матери в Болгарию, которые были связаны с какими-то далеко идущими планами. Один из биографов генерала пишет о том, что «носились даже слухи, будто Скобелев метит в болгарские князья. Слухи эти имели некоторое основание. О возможности своей кандида-

² См.: Н. Р. Овсяный, Русское правление в Болгарии в 1887—78—79 гг., т. III. Спб., 1907, стр. 95—98.



туры Скобелев сам говорил многим близким, и весьма вероятно, что его мать, Ольга Николаевна, поддерживала этот план»³.

В какой-то степени был Скобелев связан и с македонскими националистами. Известно, например, что он предлагал образовать «болгарские четы» и бросить их в Македонию, чтобы вызвать турок на новую резню, которая могла бы послужить поводом для военного вмешательства России⁴.

Сохранилось, правда, письмо «белого генерала», в котором он неодобрительно отзывается о поездке своей матери. «...Матушка поехала в Болгарию, — пишет он, — я ей, впрочем, послал на днях телеграмму, чтобы она вернулась. Чего она там делает по парламентам — только раздражает моих врагов, когда ей в парламенте кричат ура — как матери известного русского генерала»⁵.

Однако недовольство Скобелева, видимо, было вызвано не фактом поездки, которая, безусловно, предпринималась с его согласия, а какими-то неверными шагами, сделанными в Болгарии Ольгой Николаевной.

Скобелев был потрясен известием о смерти матери. Забыв о своих обязанностях главнокомандующего, он даже «просился на похороны». Александр II отказал в этой просьбе. И Скобелев поспешил отправить своему дяде, министру двора графу Адлербергу, покаянное письмо. «Он хорошо понял, — пишет генерал об императоре, — что мне нельзя было отлучаться, мне же теперь стыдно, что скорбь хоть на минуту смогла во мне заглушить чувство долга. Увы, случившегося не поправишь. Я чрезвычайно озадачен тем впечатлением, которое сделала на государя моя неуместная просьба, — если будет возможно, успокой меня».

Вскоре поход успешно закончился штурмом Геок-Тепе, и Скобелев вернулся в Россию.

Встреча победителей в Москве носила триумфальный характер. Свидетель этой манифестации московский генерал-губернатор князь В. А. Долгорукий язвительно отметил: «Я видел Бонапарта, возвращавшегося из Египта».

Удивительно, что эта реплика великолепно перекликается с записью в дневнике, сделанной Мельхиором де Вогюз, который видел Скобелева перед его отъездом в Среднюю Азию. На обеде у М. Анненкова де Вогюз познакомился с представителями «элиты русского либерализма», среди которых был и «белый генерал». Отмечая

это, француз записал, что Скобелев «или будет убит, или возвратится из Азии, как Наполеон из Египта».

Случайно ли это совпадение?..

Иной была встреча «белого генерала» в Петербурге.

Несмотря на полученные им награды, чиновная столица отнеслась к победителю холодно. Пример подал новый самодержец Александр III, только что вступивший на престол после смерти убитого народовольцами отца — императора Александра II.

Он встретил генерала крайне сухо и даже не поинтересовался действиями экспедиционного корпуса. Вместо этого он высказал свое неудовольствие тем, что Скобелев не сберег жизнь молодого графа Орлова, убитого во время штурма Геок-Тепе, и презрительно спросил: «А какова была у вас, генерал, дисциплина в отряде?»

Прием получил широкую огласку.

«Об этом теперь говорят, — писал императору обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, — и на эту тему поют все недовольные последними переменами. Я слышал об этом от людей серьезных, от старика Строгонова, который очень озабочен этим. Сегодня гр. Игнатьев сказывал мне, что Д. А. Милютин говорил об этом впечатлении Скобелева с некоторым злорадством»⁶.

Вполне вероятно, что неприветливый прием в какой-то степени был связан с осложнениями между М. Д. Скобелевым и Петербургом, последовавшими сразу же после смерти Александра II, когда генерал имел намерение под предлогом болезни покинуть действующую армию и вернуться в Россию. Слухи об этом в то время упорно ходили по столице, и им по неизвестным нам причинам придавали большое значение. Так, английский посол Дюфферинг поторопился донести об этом в Лондон, а некоторые русские сановники уделяли данному обстоятельству значительное внимание в своей переписке и дневниковых записях.

³ М. М. Фидиппов, М. Д. Скобелев, Спб., 1894, стр. 71—72.

⁴ См.: Ю. Карцев, Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—86 гг. Спб., 1906, стр. 41.

⁵ И. А. Чанцев, Скобелев как полководец. 1880—1881 гг. Спб., стр. 126.

⁶ К. П. Победоносцев, Письма и заметки. М.—Пг., 1923, стр. 233.

Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, как мы уже видели, был чрезвычайно обеспокоен взаимоотношениями Скобелева с императором, которому он настойчиво советовал постараться привлечь на свою сторону «белого генерала». Его письмо Александру III, отрывок из которого цитировался нами выше, полно недомолвок и каких-то весьма странных намеков, скрывающих, судя по всему, за собой многое.

Вот что пишет Победоносцев:

«Я считаю этот предмет настолько важным (разрядка наша. — В. В.), что, рискуя навлечь на себя недовольство Вашего Величества, возвращаясь к нему, смею повторить снова, что Вашему Величеству необходимо привлечь Скобелева **сердечно**. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах... Теперь время критическое для Вас лично: теперь — или никогда — привлечете Вы к себе и на свою сторону лучшие силы в России, людей, способных не только говорить, но самое главное — способных **действовать** в решительные минуты... Вот теперь, будто бы некоторые, нерасположенные к Вашему Величеству и считающие себя обиженными, шепчут Скобелеву: «Посмотрите, ведь мы говорили, что он не ценит прежних заслуг и достоинств». Надобно сделать так, чтобы это лукавое слово оказалось ложью, и не только к Скобелеву, но и ко всем, кто заявил себя действительным умением вести дело и подвигами в минувшую войну... Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный... Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, (разрядка наша. — В. В.), то есть **люди ему верят и за ним следуют!** Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь... Но Скобелев **ВПРАВЕ** ожидать, что все интересуются делом, которое он сделал, и что им прежде и более всех интересуется русский государь. Итак, если правда, что Ваше Величество не высказали в кратком разговоре с ним интереса этому делу, желание знать подробности его... Скобелев мог вынести из этого приема горькое чувство... Могу себе представить, что Вам неловко, несвободно, неспокойно со Скобелевым (разрядка наша. — В. В.) и что Вы старались сократить свидание. Мне понятно это чувство неловкости, соединенное с нерасположением видеть человека, и происходящая от

него неуверенность (разрядка наша. — В. В.)...»

Так Победоносцев никогда до и после этого не осмеливался писать Александру III. Каждая строчка письма наполнена страхом, заставляющим обер-прокурора забыть о почтительности, забыть о предосторожности придворного и настойчиво поучать императора хотя бы внешне изменить свое отношение к Скобелеву.

Не приходится сомневаться в том, что для этого должны были существовать весьма серьезные причины, поскольку в чем, в чем, а в неосторожности и опрометчивости Победоносцева обвинить никак нельзя. Это был осмотрительный человек, и идти на риск, обращаясь к императору с настойчивыми призывами вести себя благоразумно, могли заставить его только обстоятельства чрезвычайной важности.

Судя по некоторым воспоминаниям, М. Д. Скобелев «презирал и ненавидел» Александра III, а последний отвечал ему тем же. Уже летом 1881 года генерал был сильно настроен против нового императора и вынашивал в душе антиправительственные планы.

Встретив Скобелева в Париже вскоре после петербургских неприятностей, де Вогюз отметил, что тот был «пессимистом до последней степени» и способен выступить в роли Бонапарта. Он называет генерала «опасным сумасшедшим», который может наделать много бед, если обстоятельства будут ему благоприятствовать. При этом, пишет де Вогюз, «популярность «белого генерала» в России, безусловно, неизмеримо выше популярности царя»⁷.

Настроения М. Д. Скобелева, видимо, были хорошо известны и в правящих сферах Петербурга. Во всяком случае, 30 июля 1881 года граф П. А. Валуев делает в своем дневнике следующую запись: «Одно средство, по его (Скобелева. — В. В.) мнению, поправит наше экономическое (sic) и политическое положение. Даже — династический вопрос — немедленная война против Германии»⁸⁻⁹.

Позиция Скобелева в то время достаточно хорошо характеризуется рассказом барона Н. Врангеля, встретившегося с ним в Петербурге летом 1881 года. В один из вечеров, вспоминает Врангель, в домашнем кабинете генерала Дохтурова собралась до-

вольно большая компания. Здесь были Воронцов-Дашков, Черевин, Драгомиров, Щербатов, Скобелев и некоторые другие. Разговор, между прочим, зашел об Александре III. О «хозяине» отзывались не особенно лестно. Затем заговорили «о современном положении». Всем мало-мальски вдумчивым людям, по словам Врангеля, «уже тогда становилось ясным, что самодержавие роет себе могилу». Воронцов оказался настроенным оптимистически, но можно было понять, что говорит он одно, а в душе не уверен, что все действительно обстоит благополучно.

Когда большинство гостей разъехалось, Скобелев, шагая по комнате и расправляя свои баки, возмущенно сказал: «Пускай себе толкуют! Слыхали уже эту песнь. А все-таки в конце концов вся их лавочка полетит тормашками вверх... Полетит, — смакуя каждый слог, повторил он. — И скатертью дорога. Я по крайней мере ничего против этого лично иметь не буду».

«Полетят, полетят, — ответил Дохтуров, — но радоваться этому едва ли придется. Что мы с тобой полетим вместе с ними, еще полбеда, а того смотри, и Россия полетит...»

«Вздор, — прервал Скобелев, — династии меняются или исчезают, а нации бессмертны».

«Бывали и нации, которые как таковые распадались, — заметил Дохтуров. — Но не об этом речь. Дело в том, что, если Россия и уцелеет, мне лично совсем полететь не хочется».

«И не летай, никто не велит».

«Как не велит?! Во-первых, я враг всяких революций, верю только в эволюцию и, конечно, против революции буду бороться, а кроме того, я солдат и как таковой буду руководствоваться не моими симпатиями, а долгом, как и ты, полагаю».

«Я?! — почти крикнул Скобелев, но одумался и спокойно, посмеиваясь в усы, сказал: — В революциях, дружище, стратегическую обстановку готовят политики, а нам, военным, в случае чего, предстоять будет одна тактическая задача. А вопросы тактики, как ты сам знаешь, не предрешаются, а решаются во время самого боя, и предрешать их нельзя».

Во время поездки в Париж летом 1881 года «белый генерал» предпринял некоторые шаги для воплощения в жизнь своих внешнеполитических планов, направленных против Германии, в лице которой он видел наиболее вероятного противника Рос-



Гамбетта.

сии. Скобелев установил контакт с лидером французских республиканцев Гамбеттой, настроенным в пользу военного франко-русского союза. Переговоры имели сугубо частный характер, и подробности их остались неизвестными.

Однако они имели важные последствия для событий, которые развернулись позднее.

В январе 1882 года в Россию приехала Жюльета Адам, политический эмиссар французских республиканцев и близкий друг Гамбетты. Ее встреча со Скобелевым произошла в доме вожда московских славянофилов И. С. Аксакова, на которого эта политическая деятельница произвела «самое лестное» впечатление.

По словам Ж. Адам, Скобелев совершенно четко сформулировал свое впечатление от Парижа, где нет «настоящих патриотов», где, как и в России, все опасаются Бисмарка и подчиняются ему. В ответ на это она будто бы предложила генералу приехать во французскую столицу и открыто заявить, что враг — это немец. Скобелев

⁷ M. de Vaugue, Journal, p. 256, 286, 294.

⁸⁻⁹ П. А. Валуев, Дневник, 1877—1884 гг. Пг., 1919. стр. 170.



же якобы ответил, что он «боится Парижа, парижских газет».

В это же время, возможно даже, что в тот же день, М. Д. Скобелев сказал И. С. Аксакову, что «12-го в Петербурге состоится банкет для ознаменования взятия Геок-Тепе», что он, Скобелев, «намерен произнести речь и воззвать к патриотическому чувству России в пользу славян, против которых вооружаются в настоящее время мадьяры», и что он «хочет открыть подписку в пользу кривошиев»¹⁰.

Действительно, 12 января 1882 года на банкете в ресторане Бореля в Петербурге, устроенном в честь первой годовщины со дня штурма Геок-Тепе, М. Д. Скобелев произнес горячую речь, носившую открытый панславистский характер и направленную против Австро-Венгрии.

«...Мне, — сказал генерал, — остается сказать вам несколько слов; но здесь позвольте мне заменить бокал с вином стаканом с водою и попросить вас быть свидетелями, что ни я, да и никто из нас не говорил и не может говорить под влиянием ненормального возбуждения. Мы живем в такое время, когда даже кабинетные тайны плохо сохраняются, а сказанное в таком собрании, как нынешнее, так или иначе будет обнаружено, а потому предосторожность — дело не лишнее. Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он благодаря своей истории все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, боже сохрани, тот же русский человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде доморожденных и заграничных иноплемеников поднимаются вопли негодования, и этот русский человек, по мнению этих господ, находится лишь под влиянием причин ненормальных, под влиянием каких-нибудь вакханалий. Вот почему, повторяю, прошу позволение опустить стакан с вином и поднять стакан с водою. И в самом деле, господа, престранное это дело, и почему нашим обществом и отдельными людьми овладевает какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса, для русского сердца вполне законного, являющегося результатом всей нашей тысячелетней истории. Причин к этому очень много, и здесь не место и не время их касаться; но одна из главных — та прикособная рознь, которая существует между известною частью общества, так называемой интеллигенцией, и русским народом. Господа,

всякий раз, когда державный хозяин Русской земли обращался к своему народу, народ оказывался на высоте его призвания и исторических потребностей минуты; с интеллигенцией же не всегда было то же, и если в трудные минуты кто-либо банкротился перед царем, то, конечно, та же интеллигенция. Полагаю, что это явление вполне объяснимое: космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом. Господа, сегодня, в день падения Геок-Тепе, вспоминая о павших товарищах, о доблести войск, невольно просится наружу чувство доброе, святое. Один из славнейших ветеранов великой эпохи наполеоновских войн, маршал Бюжо, имел обыкновение говорить, что на войне убивают одних и тех же. Мое солдатское сердце и недавний опыт подсказывают мне, что здесь собрались именно такие, о которых говорил маститый маршал. Вот почему в солдатской среде мои слова будут приняты только посолдатски, как не имеющие ничего общего с политикой в данную минуту.

Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними как с таковыми! Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единоверные нам груди...

Я не договариваю, господа... Сердце болезненно щемится. Но великим утешением для нас — вера и сила исторического призвания России...»¹¹.

Речь вызвала широкую огласку, и правительство Австро-Венгрии высказало свое недовольствие, расценивая слова Скобелева как вмешательство во внутренние дела империи. Александр III также крайне неодобрительно отнесся к высказываниям «белого генерала». Управляющий министерством иностранных дел Гирс принес австрийскому правительству «изъявления своего сожаления по поводу этой застольной речи Скобелева». В «Правительственном вестнике»

¹⁰ А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров, т. II. М., 1929, стр. 231.

¹¹ Д. Д. Кашкарев, Взгляды на политику, войну, военное дело и военных М. Д. Скобелева. Спб., 1893, стр. 243—245.

было опубликовано соответствующее разъяснение, а генералу было предложено незамедлительно взять заграничный отпуск.

Выступление в ресторане Бореля было, вне сомнений, заранее обдуманым демаршем. Об этом свидетельствуют не только воспоминания А. Ф. Тютчевой, приведенные выше, но и другие данные. В руках Н. Н. Кнорринга, автора интересной работы о Скобелеве, был черновик речи, написанный рукой генерала. В нем были набросаны тезисы и сформулированы наиболее острые места и даже сделаны указания на то, когда следует взять в руку вместо бокала с вином стакан с водой¹².

Вполне вероятно, наконец, что к этой речи, так же как и к последующей парижской, приложил руку граф Игнатъев, вдохновитель либерального направления. Во всяком случае, в дневнике военного министра Д. А. Милютина можно найти такую запись: «Наконец, третий рассказ — будто бы после смерти Скобелева при разборке бумаг, оставшихся в его кабинете в Минске (где корпусные квартиры 4-го корпуса), нашли черновые политических речей, произнесенных Скобелевым в Петербурге и Париже, с пометками рукою Игнатьева. Все это странно, но не лишено вероятия»¹³.

В речи, произнесенной в Петербурге, конечно, кажутся странными резкие нападки на интеллигенцию, противопоставление ее русскому народу. Особенно странными представляются они в устах человека такой высокой культуры, каким был Скобелев, прекрасно владевший почти всеми основными европейскими языками, великолепно знавший литературу, искусство и т. п. Однако внутренний смысл этих нападок вполне объясним. С одной стороны, здесь проявилось отрицательное отношение Скобелева к революционному движению. С другой стороны, его слова были явно обращены к простому народу, популярность в глазах которого он стремился прежде всего завоевать, видя в нем главную опору для своих планов.

Речь была выдержана в откровенных славянофильских тонах, и это тоже не должно вызывать удивления, так как известно, насколько близок к московским славянофилам был М. Д. Скобелев.

Однако верить всему тому, что говорил Скобелев, нет никаких оснований. Это был человек, который придерживался широко известной поговорки Галейрана: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Недаром его друг, известный

художник-баталист В. В. Верещагин, в своем письме к брату 30 мая 1881 года писал: «Скобелев говорит так, как дельфийский оракул, не скоро поймешь, что он хочет сказать»¹⁴.

Обращает внимание, что речь была произнесена в тот момент, когда в высших сферах группой либерально настроенных сановников был поднят вопрос о Земском соборе¹⁵. Действия либералов одобряли славянофилы, мнение которых в печати выражал И. С. Аксаков. Против рьяно выступала группа ближайших приближенных императора во главе с К. П. Победоносцевым¹⁶.

Судя по всему, М. Д. Скобелев был тесно связан с либеральным политическим направлением и, возможно, являлся сторонником самых крайних мер. Так, П. Кропоткин в своих воспоминаниях пишет: «Из посмертных бумаг Лорис-Меликова, часть которых обнародована в Лондоне другом покойного, видно, что когда Александр III вступил на престол и не решился созвать земских выборов, Скобелев предлагал даже Лорис-Меликову и графу Игнатьеву («Лгунпаше», как прозвали его константинопольские дипломаты) арестовать Александра III и заставить его подписать манифест о конституции. Как говорят, Игнатьев донес об этом царю и, таким образом, добился назначения министром внутренних дел»¹⁷.

При этом Кропоткин ссылается на книгу «Конституция Лорис-Меликова», изданную Лондонским фондом в 1893 году. Правда, если мы познакомимся с этим сочинением, то, к своему удивлению, не обнаружим в нем никаких материалов о предложении Скобелева Лорис-Меликову организовать государственный переворот. Но откуда Кропоткин почерпнул свои сведения и почему

¹² Н. Н. Кнорринг, Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев, ч. II. Париж, 1939, стр. 223—224.

¹³ Д. А. Милютин, Дневник, т. IV. М., 1950, стр. 249.

¹⁴ ЛПБ, рукописный отдел, ф. 137, В. В. Верещагин, л. 22.

¹⁵ Земский собор — центральное сословно-представительное учреждение Руси XVI—XVII веков. В конце прошлого века русская либерально настроенная общественность надеялась с помощью сословно-представительного собора заменить характер самодержавного строя.

¹⁶ См.: С. Г. Сватиков. Из эпохи реакции (1880—1895 гг.). М., 1917, стр. 52—53.

¹⁷ П. Кропоткин, Записки революционера. Спб., 1906, стр. 400.

он ссылается на вполне конкретное издание? Нет оснований предполагать, что он умышленно приводит неверные данные. Материалы Лорис-Меликова изданы русским эмигрантским революционным издательством, к деятельности которого был близок и П. Кропоткин. Возможно, что он видел документы еще до их появления в свет и записал в своем дневнике об обратившем на себя внимание предложении Скобелева. При окончательном же редактировании книги эти документы по каким-то соображениям были изъяты.

Такой вариант тем более мог быть возможным, что в рассказе самого Лорис-Меликова о свидании со Скобелевым, переданном А. Ф. Кони, содержатся определенные намеки на решительное настроение генерала.

Летом 1881 года, рассказывал Лорис-Меликов, Скобелев телеграфировал в Элису о желании встретиться. Местом свидания был назначен Кельн. Здесь генерал встретил Лорис-Меликова в специально приготовленном вагон-салоне.

«Встретил на дебаркадере с напускной скромностью, окруженный все какими-то неизвестными, — продолжает Лорис-Меликов. — Умел играть роль!.. Когда мы остались одни в вагоне вдвоем со Скобелевым, я ему говорю: «Что, Миша? Что тебе?» — он стал волноваться, плакать, негодовать: «Он (то есть Александр III, принимая Скобелева после Ахал-Теке) меня даже не посадил!» — и затем пошел, пошел нести какую-то нервную ахинею, которую совершенно неожиданно закончил словами: «Михаил Тариелович, вы знаете, когда поляки пришли просить Бакланова о большей мягкости, он им сказал: господа, я аптекарь и отпускаю лишь те лекарства, которые предпишет доктор (Муравьев); обращайтесь к нему. То же говорю и я! Дальше так идти нельзя, и я ваш аптекарь. Все, что прикажете, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я не сдам корпуса, а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду. Я ему устрою так, что если он приедет смотреть 4-й корпус, то на его «здорово, ребята» будет ответом гробовое молчание. Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте. Я ваш аптекарь...»

Я отвечаю ему, что он дурит, что все это вздор, что он служит России, а не лицу, что он должен честно и прямодушно работать и что его способности и влияние еще понадобятся на нормальной службе и т. д. Внушал ему, что он напрасно рассчи-

тывает на меня, но он горячился, плакал и развивал свои планы крайне неопределенно очень долго. Таков он был в июле 1881 года. Ну, и я не поручусь, что под влиянием каких-нибудь других впечатлений он через месяц или два не предложил бы себя в аптекари против меня. Это мог быть роковой человек для России — умный, хитрый и отважный до безумия, но совершенно без убеждений».

Следовательно, летом 1881 года М. Д. Скобелев, видимо, действительно вынашивал какие-то планы насильственного принуждения Александра III пойти на либеральные реформы и ограничение самодержавной власти. С Лорис-Меликовым он, конечно, не был откровенным до конца, именно поэтому планы его, по словам министра, были неопределенными. Зная Скобелева, можно с полной уверенностью утверждать, что он великолепно понимал то, что хотел. Его же поведение во время разговора в Кельне было всего-навсего хорошо разыгранным спектаклем, целью которого прежде всего была проверка взглядов и настроений либерального министра.

Отрицательное отношение М. Д. Скобелева ко всему, что происходило в стране, как мы уже видели, было хорошо известно, и он не делал из этого большой тайны. К этому можно добавить еще несколько характерных высказываний генерала. В одном из разговоров со своим начальником штаба, генералом М. Л. Духониним, он говорил: «А внутри у нас! Что делается внутри — ведь это ужас! Мы еще отвоёвываем независимость другим племенам, даруем им свободу, а сами! Разве вы и я — не рабы? Настоящие рабы — бесправные парии, бессильные, разобщенные, вечно подозреваемые...»

У Скобелева, судя по всему, была собственная детально разработанная программа перестройки всех сторон жизни в России. Над этой программой он много думал, работал, оттачивал ее в мельчайших деталях. В одном из своих писем И. С. Аксакову Скобелев писал: «Для вас, конечно, не осталось незамеченным, что я оставил все, более, чем когда-либо, проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему общему святому делу, которое для меня, как и для вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания. Более, чем прежде, ознакомься с нашей эмиграцией, я убедился, что основанием общественного недуга в значительной мере является отсутствие всякого доверия к положению наших дел. Доверие



это мыслимо будет лишь тогда, когда правительство даст серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народный, как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья и недруги имеют полное основание болезненно сомневаться».

В другом письме Скобелев писал: «Эта будничная жизнь тяготит. Сегодня, как вчера, завтра, как сегодня. Совсем нет ощущений. У нас все замерло. Опять мы начинаем переливать из пустого в порожнее. Угасло недавнее возбуждение. Да и как его требовать от людей, переживших позор Берлинского конгресса¹⁸. Теперь пока нам лучше всего молчать — осрамились вконец»¹⁹.

Скобелев считал, что только подъем национализма и православия может укрепить русское государство и даст ему новые силы. «История нас учит, — указывал он, — что самосознанием, проявлением народной инициативы, поклонением народному прошлому, народной славе, в особенности же усиленным уважением, воскрешением в массе народа веры отцов во всей ее чистоте и неприкосновенности можно воспламенить угасшее народное чувство, вновь создать силу в распадающемся государстве»²⁰.

Его взгляды и настроения становились известными многим и, видимо, часто служили предметом оживленных обсуждений. Так, почти сразу же после речи на обеде в ресторане Бореля граф Валуев записал в своем дневнике: «Генерал Скобелев произнес на ахалтекинском обеде невозможную речь. Он начинает походить на испанского генерала, с будущим pronunciamiento в кармане»²¹. Любопытно, что примерно таким же образом именовали Скобелева и в кругу его ближайших друзей, о чем Валуев, конечно, знать не мог. Друзья часто как бы в шутку называли «белого генерала» «господин первый консул»²² или «генерал от пронунциемента». Такое совпадение говорит о многом, и, вероятно, сам М. Д. Скобелев был уверен, что история предназначает ему соответствующую политическую роль.

Вскоре после своего выступления в Петербурге Скобелев по распоряжению императора должен был взять заграничный отпуск и отправиться в Париж. По дороге туда он встретился со своим старым приятелем В. В. Верещагиным. Вспоминая об этой встрече, тот писал:

«Последний раз виделся я с дорогим Михаилом Дмитриевичем в Берлине, куда он приехал после известных слов в защиту братьев-герцеговинцев, сказанных в Петербурге. Мы стояли в одной гостинице, хозя-

ин которой сбился с ног, доставляя ему различные газеты с отзывами. Кроме переборки газет, у Скобелева была еще другая забота: надобно было купить готовое пальто, так как заказывать не было времени; масса этого добра была принесена из магазина, и приходилось выбирать по росту, виду и цвету.

— Да посмотрите же, Василий Васильевич! — говорил он, поворачиваясь перед зеркалом. — Ну как? Какая это все немецкая дрянь, черт знает!

С грехом пополам остановился он, с одобрения моего и еще старого приятеля его Жирарде, который с ним вместе приехал, на каком-то гороховом облачении: признаюсь, однако, после, на улице, я покался — до того несчастно выглядела в нем красивая и представительная фигура Скобелева.

Во время этого последнего свидания я крепко журил его за несвоевременный, по мнению моему, вызов австрийцам; он защищался так и сяк и, наконец, как теперь помню, это было в здании панорамы, что около Генерального штаба, осмотревшись и уверившись, что кругом нет «любопытных», выговорил:

— Ну, так я тебе скажу, Василий Васильевич, правду — они меня заставили, кто они, я, конечно, помолчу.

Во всяком случае, он дал мне честное слово, что более таких речей не будет говорить...»²³

Однако можно совершенно точно сказать, что, произнося свое покаяние, Скобелев явно кривил душой. Во-первых, совершенно невозможно представить, чтобы такого храброго и волевого человека, каким был он, кто-то мог заставить говорить то, что ему не нравилось. Ну, а во-вторых, очень скоро генерал нарушил данное Верещагину

¹⁸ Берлинский конгресс был созван в июне—июле 1878 года для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией. Подписанный 13 июля великими державами Берлинский трактат изменил условия Сан-Стефанского договора в ущерб России и славянским народам, что вызвало сильное возмущение русской общественности.

¹⁹ Б. Эсзаде, Памяти М. Д. Скобелева. «Скобелевский сборник», 1908, № 1, стр. 58.

²⁰ «Русская старина», 1882, июль, стр. 229.

²¹ В. П. Валуев, ук. соч., стр. 181.

²² См. Ю. Карцев, ук. соч., стр. 95.

²³ В. В. Верещагин, Воспоминания о М. Д. Скобелеве. «Русская старина», 1889, май, стр. 410.

слово и выступил с новым, еще более резким заявлением.

Знаменитый художник, видимо, забыл, что имеет дело с «дельфийским оракулом».

В Париж Скобелев приехал во второй половине января 1882 года, в дни падения министерства Гамбетты. Он сразу же понял политическую ситуацию и отметил в письме к Маслову, что «падение министерства произвело переполох, но значение Гамбетты, как передового деятеля в государстве, не поколеблено, и думаю, что было бы близируко нам, русским, теперь в особенности от него отворачиваться».

При этом он все-таки, видимо, боялся, что возможности политического характера значительно уменьшились. Так в письме тому же Маслову от 2 февраля генерал пишет, что «несметно скучает» и что, «не будь крайняя необходимость окончательно выяснить счета покойной матушки, думал бы о возвращении в 4-й корпус... Невмоготу бездействовать, а с последними правительственными переменами во Франции круг доступного для меня стал уже».

Последнее письмо определенно свидетельствует о том, что Скобелев приехал во Францию с конкретными политическими планами, невозможность немедленно осуществить которые нервировала его.

Несмотря на первоначальную неуверенность, генерал вскоре взял себя в руки и, видимо, принял решение действовать. Возможно, что этому способствовала Ж. Адам, дом которой он постоянно посещал, встречаясь здесь с французскими националистами.

В начале февраля произошла восторженная встреча М. Д. Скобелева с жившими в Париже сербскими студентами, которые 5 (17) числа преподнесли ему благодарственный адрес. Обращаясь к ним с ответной речью, «белый генерал» заявил:

«Мне незачем говорить вам, друзья мои, как я взволнован, как я глубоко тронут вашим горячим приветствием. Клянусь вам, я подлинно счастлив, находясь среди юных представителей сербского народа, который первый развернул на славянском востоке знамя славянской вольности. Я должен откровенно высказаться перед вами, — я это делаю.

Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от

иностранным влияниям. **У себя мы не у себя.** Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы — жертва его интриг, рабы его могущества. Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, гибельным влиянием, что, если когда-нибудь, рано или поздно, мы освободимся от него, — на что я надеюсь, — мы сможем это сделать не иначе, как **с оружием в руках!**

Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого чужака, этого самозванца, этого интригана, этого врага, столь опасного для России и для славян... я назову вам его.

Это автор «натиска на Восток» — он всем вам знаком — это Германия. Повторяю вам и прошу не забыть этого: враг — это Германия. Борьба между славянством и тевтонами неизбежна...

Она даже очень близка.

Она будет длительна, кровава, ужасна, но я верю, что она завершится победой славян...

Что касается вас, то естественно, что вы жаждете узнать, как должно вам поступить, ибо кровь у вас уже льется. Я не буду много говорить об этом, но могу вас заверить, что если будут задеты государства, признанные европейскими договорами, будь то Сербия или Черногория... одним словом, вы... вы не будете биться в одиночку. Еще раз благодарю, и, если то будет угодно судьбе, до свидания на поле битвы плечом к плечу против общего врага»²⁴.

Как видно, в этой речи с предельной ясностью была сформулирована внешнеполитическая программа М. Д. Скобелева — Германия основной враг России и славянства, военное столкновение между ними неизбежно, и к этому надо готовиться во всех отношениях. Он поистине не зря именовался оракулом, ясно видя предстоящую кровавую грозу двух мировых войн.

На другой день Скобелев принял в своей квартире на улице Пентьвер, 2 корреспондента «Le Voltaire» Поля Фреснэ, в беседе с которым вновь подтвердил свою политическую позицию, сказав: «Я действительно произнес речь, вызвавшую некоторую сенсацию, и вот я только что получил от моего адъютанта следующую выдержку из газеты: «Государь император только что дал

²⁴ «Речь ген. Скобелева в Париже, 1882 г.», «Красный архив», т. XXVII, 1928, стр. 219—220.

одному из строящихся на Каспийском море судов имя «Генерал Скобелев». Оказание мне этой чести, крайне редкой, доказывает, что я отнюдь не в милости и что, следовательно, я нахожусь здесь по своей доброй воле. Но если бы моя откровенность и сопровождалась неприятными для меня последствиями, я все-таки продолжал бы высказывать то, что я думаю. Я занимаю независимое положение, — пусть меня только призовут, если возникнет война, остальное мне безразлично. Да, я сказал, что враг — это Германия, я это повторяю. Да, я думаю, что спасение в союзе славян — заметьте, я говорю: славян — с Францией. Надо достигнуть этого. Надо достичь равновесия, но уже не в том виде, как это понимал г. Тьер, потому что в том виде, в каком оно существовало, оно уже нарушено. Надо его восстановить.

Германия — великая пожирательница, это нам известно, и вы сами, вы особенно, вы, увы! слишком хорошо это знаете. Восточный вопрос имеет большое, огромное значение. Именно через разрешение этого вопроса и может быть восстановлено то равновесие, о котором я говорил, — в противном случае, останется лишь одна держава — Германия. Я сказал и повторяю, что я верю в благополучное разрешение, которого я страстно хочу. Я особенно верю в то, что, наконец, поймут истину — что между Францией и славянами должен быть заключен союз. Для нас — это средство восстановить нашу независимость. Для вас же — это средство занять то положение, которое вами утрачено.

Вот подлинно, что я думаю, — сказал в заключение генерал, — вы можете рассказать об этом, но все же в интересах того большого дела, осуществление коего я всегда буду добиваться, не надо создавать вокруг меня много шума»²⁵.

Все эти высказывания не были импровизацией, а явились следствием долгих размышлений и как бы явились завершением разработанной Скобелевым политической программы.

На Германию, как на врага номер один, он указывал неоднократно, задолго до того, правда, указывал в частных беседах и письмах. Во время одного из разговоров с А. Ф. Тютчевой Скобелев вспоминал о том, что: «Когда в прошлом году при вступлении на престол государя мы присягали в верности самодержавию, мы делали это в надежде и с твердым убеждением, что новое царствование откроет эру национальной политики и что правительство не будет

больше продавать Германии интересов России. И что же, — с жаром говорил он, — вот мы опять на том же скользком пути и накануне того, чтобы принести в жертву Пруссии и Австрии Россию и ее интересы в славянских землях»²⁶.

В августе 1881 года Скобелев писал М. Н. Каткову: «До сих пор наше отечественное несчастье главным образом, как мне кажется, происходило не от ширины замыслов, а от неопределенности и изменчивости нашего политического идеального предмета действий. Эта неопределенность об руку с денежной недобросовестностью тяжелым бременем легла на все строение государства...»²⁷.

«Меня больше всего бесит наша уступчивость этим колбасникам, — вспоминает адъютант Скобелева Дукмасов его слова. — Даже у нас в России мы позволяем им безнаказанно делать все что угодно. Даем им во всем привилегии, а отчего же и не брать, когда наши добровольно все им уступают, считая их более способными... А они своею аккуратностью и терпением, которых у нас мало, много выигрывают и постепенно подбирают все в свои руки... А все-таки нельзя не отдать им справедливости, нельзя не уважать их, как умных и ловких патриотов. Они не останавливаются ни перед какими препятствиями, ни перед какими мерами, если только видят пользу своего фатерланда. Наша нация этим истинным и глубоким патриотизмом не может похвалиться! Нет у нас таких патриотов, как, например, Бисмарк, который высоко держит знамя своего отечества и в то же время ведет на буксире государственных людей чуть не всей Европы... Самостоятельности у нас мало в политике!»²⁸.

Речь к сербским студентам вызвала отклик во всей Европе, быстро докатившийся до берегов Невы.

Сразу же после появления речи в печати русский посол в Париже князь Орлов отправил донесение о ней министру иностранных дел Гирсу. «Посылаю вам почтой речь генерала Скобелева с кратким донесением, — писал посол. — Генерал этот в сво-

²⁵ «Речь ген. Скобелева в Париже, 1882 г.», стр. 221.

²⁶ А. Ф. Тютчева, ук. соч., т. 2, стр. 230.

²⁷ Д. Д. Кашкарев, ук. соч., стр. 27.

²⁸ П. Дукмасов, Воспоминания о русско-турецкой войне 1877—78 гг. и М. Д. Скобелева. Спб., 1889, стр. 455.



Генерал-адъютант Скобелев

их выступлениях открыто изображает из себя Гарибальди. Необходимо строгое воздействие, доказать, что за пределами России генерал не может безнаказанно произносить подобные речи и что один лишь государь волен вести войну или сохранять мир. Двойная игра во всех отношениях была бы гибельна. Московская (тут явная ошибка, надо «Петербургская». — В. В.) его речь не была столь определена, как обращение к сербским студентам в Париже»²⁹.

Германская печать тем временем подняла невообразимый шум.

Находившийся в Крыму бывший военный министр Д. А. Милютин отмечал в эти дни в своем дневнике: «Газеты всей Европы наполнены толками по поводу неудачных и странных речей Скобелева — петербургской и парижской. Не могу себе объяснить, что побудило нашего героя к такой выходке. Трудно допустить, чтобы тут была простая невоздержанность на язык, необдуманная, безрассудная болтовня; с другой стороны, неужели он намеренно поднял такой переполох во всей Европе только ради ребяческого желания занять собою внимание на несколько дней? Конечно, подобная эксцентрическая выходка не может встревожить ни берлинское, ни венское правительства при существующих отношениях между тремя империями; тем не менее самое возбуждение общественного мнения такими речами, какие произнесены Скобелевым, высказывает большое место в настоящем политическом положении Европы и те черные точки, которых надобно опасаться в будущем. Любопытно знать, как отнесутся к выходкам Скобелева в Петербурге»³⁰.

Официальный Петербург был чрезвычайно встревожен парижскими событиями, или, вернее говоря, откликом на них в Германии и Австро-Венгрии. 8 (20) февраля 1882 года государственный статс-секретарь Е. А. Перетц отмечал, что: «Речь Скобелева к парижским студентам, произнесенная против Германии, волнует петербургское общество»³¹. Примерно в эти же дни граф Валуев записал в своем дневнике: «Невозможное множится... После речи здесь ген. Скобелев сервировал новую поджигательную речь в Париже, выбрав слушателями сербских студентов»³². Александр III был в страшном гневе. Его дядя, председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич, сочувственно относившийся к Скобелеву, даже не решался заговорить с ним на эту тему. В «Правительственном вестнике» было опубликовано специальное заявление, в ко-

тором русское правительство осуждало выступление Скобелева.

«По поводу слов, сказанных генерал-адъютантом Скобелевым в Париже посетившим его студентам, — говорится в заявлении, — распространяются тревожные слухи, лишенные всякого основания. Подобные частные заявления от лица, не уполномоченного правительством, не могут, конечно, ни влиять на общий ход нашей политики, ни изменить наших добрых отношений с соседними государствами, основанных столь же на дружественных узах венценосцев, сколько и на ясном понимании народных интересов, а также и на взаимном строгом выполнении существующих трактатов»³³.

В Париж было послано распоряжение, приказывающее Скобелеву немедленно вернуться в Россию. 10 (22) февраля граф Орлов докладывал: «Я сообщил генералу Скобелеву высочайшее повеление возвратиться в Петербург. Несмотря на лихорадку, которой он болен, он выедет завтра и поедет, минуя Берлин, о чем я предупредил нашего посланника». Через два дня последовало новое донесение: «Генерал Скобелев выехал вчера вечером. Ему указана дорога через Голландию и Швецию, дабы избежать проезда через Германию».

Опасения русских дипломатов имели основание, поскольку общественное мнение Германии было сильно возмущено Скобелевым. Беспристрастный наблюдатель, англичанин Марвин, посетивший в эти дни Петербург и бывший проездом в Берлине, свидетельствует, что: «По всему пути в разговорах только и слышалось, что имя Скобелева. В Берлине имя его повторялось в речах и беседах всех классов общества».

Иным, естественно, было отношение французской общественности, многие представители которой были чрезвычайно обрадованы смелыми словами «белого генерала».

Вскоре после обращения к сербским студентам Скобелев посетил Ж. Адам. Нечего и говорить, что ее восторженное отношение

²⁹ «Речь ген. Скобелева в Париже, 1882 г.», стр. 218.

³⁰ «Дневник Д. А. Милютина», т. IV, стр. 127.

³¹ «Дневник Е. А. Перетца». М.—Л., 1927, стр. 125.

³² «П. А. Валуев, Дневник», Пг., 1919, стр. 183.

³³ «Правительственный вестник», 1882, № 29.

к нему после всего происшедшего удвоилось.

По словам Ж. Адам, незадолго до этого свидания она получила из России письмо, в котором было сказано: «Не доверяйте Скобелеву. Он желает сделать Европу казачьей и господствовать в ней». Сверх того, ей писали, что Скобелев деятельно подготавливает свою кандидатуру на болгарский престол.

Ж. Адам, недолго думая, показала письмо генералу.

Он был смущен, огорчен и удручен этим сообщением.

«— Неужели подобные глупости могут вас печалить? — спросила Ж. Адам.

— Да! — серьезно и задумчиво ответил Скобелев. — Бывают подозрения, которых можно избежать одним путем — путем смерти. Бывают минуты, когда я готов на самоубийство.

— Какие ужасные слова!

— Мне отвратительны эти подозрения! — сказал генерал.

Разговор, безусловно, любопытный, но весьма сомнительный, чтобы он был откровенным. В нем интереснее всего то, что Скобелев, видимо чувствуя опасность избранного пути, впервые заговорил о смерти, к мысли о которой, как мы увидим дальше, он возвращается неоднократно.

Скобелев несколько раз уверял, что происшедшее не входило в его планы, что он стал жертвой газетной сенсации, что якобы, когда утром он прочитал свою речь в газете, то немедленно пошел в редакцию «Нувель ревю», но там его встретили словами: «Простите, но умоляем вас: не отказывайтесь от ваших слов», — потому что такая речь, такие слова о Германии сейчас крайне важны для Франции, потому что никто из французов не решился бы сейчас сказать этих слов по адресу своего врага.

Примерно так же смотрел на это и Гамбетта, признавший Скобелеву во время их встречи 20 февраля, что эта речь «уже оказала им, французам, великую пользу, воспламенив сердца патриотическим жаром и возбудив надежды на союз с Россией». При этом он отметил, что в своей газете был вынужден ради политической осторожности «осуждать бестактность генерала».

Разговор касался большого круга политических проблем, интересовавших обе стороны. М. Д. Скобелев с обычной для него актуальностью записал вкратце эту беседу: «Моя речь сербским студентам со слов Г. возбудила большое патриотическое воодушевление. Необходимо как нам, так и

французам работать над разрушением в воображении людей страха германской легенды... Гамбетта говорил, — продолжает Скобелев, — о том, что государь окружен людьми неспособными за исключением Игнатьева, который для него загадка. Игнатевист ли он или патриот? Говорил о необходимости к коронации стать на почву Земского собора...»

По словам И. С. Аксакова, Скобелев перед отъездом из Парижа еще раз виделся с Гамбеттой и обедал у него вместе с генералом Галиффе. Речь шла опять о сближении России и Франции. По возвращении в Россию Скобелев сделал для Аксакова запись своих парижских впечатлений на шести страницах, но, напечатаны они были только в отрывках³⁴.

Вполне вероятно, что Гамбетта готов был использовать Скобелева в своей политической игре для возбуждения военного конфликта с Германией. По крайней мере де Вогюэ, посетивший 28 февраля Гамбетту, высказывает твердое убеждение, что тот хотел войны, надеясь втянуть в нее Россию.

Однако Скобелева провести было не просто, да и сам он, произнося речь, вполне определенно преследовал конкретные цели. За это свидетельствует хотя бы его версия всей этой истории. Мы уж говорили, что Скобелев неоднократно пытался отрицать преднамеренность своего выступления перед сербскими студентами. Он пытался внушить это даже своим единомышленникам и друзьям. Так, например, И. С. Аксакову он писал: «Ее я, собственно, никогда не произносил. Да и вообще никакой речи не говорил. Пришла ко мне сербская молодежь на квартиру, говорили по душе и, конечно, не для печати. Фар напечатал то, что ему показалось интересным для пробуждения французского общества и со слов студентов, меня не спросив».

Я бы мог формально отказаться от мне приписываемой речи, но переубедили меня и Гамбетта и мадам Адам. Первый особенно настаивал на ее полезном впечатлении в молодежи, армии и флоте; так как в конце концов все сказанное в газете «Франция» сушая правда и, по-моему, могло повести не к войне, а к миру, доказав, что мы — сила, — то я и решился не обращать внимания на последствия лично для меня и молчанием дать развиваться полезному, т. е. пробуждению как у нас, так и

³⁴ «Русь», 1883, № 1.

во Франции законного и естественного недоверия к немцу».

Спустя некоторое время, вспоминая парижскую речь, М. Д. Скобелев говорил уже совершенно иным образом: «Я сказал ее по своему убеждению и не каюсь... Слишком мы уж малодушничаем. И поверьте, что если бы мы заговорили таким языком, то Европа, несомненно, с большим вниманием отнеслась бы к нам».

Наконец, заканчивая рассказ о событиях в Париже, следует привести письмо графа Капниста русскому министру иностранных дел Гирсу, написанное примерно через месяц после отъезда Скобелева. «Теперь, когда улеглось первоначальное волнение, вызванное выступлением генерала Скобелева, — пишет Капнист, — можно уже определенно утверждать, не боясь впасть в преувеличение, что его речь наделала много шума во Франции и приняла размеры подлинного политического события. Необходимо также отметить, что инцидент этот был встречен во Франции с чувством полного удовлетворения... Разговаривая однажды с моим другом военным, поэтом Полем Дерулендом, сказала мне г-жа Адам, мы должны были себе признаться, в нашей интимной беседе с глазу на глаз, что в настоящее время во Франции только мы двое и составляем всю партию реванша. Несколько времени спустя та же дама говорила мне по поводу речи генерала Скобелева: «Вы понимаете, что я, с точки зрения французских интересов, могла лишь поддержать генерала в предпринятой им кампании. Франция от всего этого может лишь оказаться в выигрыше. Пусть Россия сама судит о том, насколько это в ее интересах»³⁵.

Политические друзья Скобелева в России, совершенно определенно замешанные в этой истории, Игнатьев и Аксаков, искренне или притворно, поспешили отказаться от своего участия в предпринятых генералом демаршах. Каждый из них счел за благо обратиться с письмом к всеильному обер-прокурору Святейшего синода Победоносцеву с заверениями о своем неучастии и отрицательном отношении к происшедшим во Франции событиям.

«Душевно уважаемый Константин Петрович, — писал граф Игнатьев, — Скобелев меня глубоко огорчил, сказав непозволительную речь в Париже каким-то сербским студентам. Он ставит правительство в затруднение своим бестактным поведением»³⁶.

«Спасибо тебе за письмо, которое дышит искреннею патриотическою тревогою, — вторит ему Аксаков, — но ты

напрасно тревожишься. Я вовсе не одобряю парижской речи или нескольких слов, сказанных Скобелевым в Париже студентам, и, как ты увидишь, перепечатав их вместе с телеграммой корреспондента «Кельнской газеты» (что сделали и «Моск. ведомости»), воздержался от всякой оценки. Но я в то же время не понимаю и не разделяю того испуга, который овладел Петербургом, отчасти и тобою. Даже показывать вид, что мы боимся шумихи, поднятой иностранными газетами, — это плохая политика»³⁷.

Между тем политическая деятельность М. Д. Скобелева в Париже не ограничивалась произнесением речи, интервью и переговорами с французскими республиканцами. Им была предпринята также вполне определенная попытка установить связь с руководителями русской революционной эмиграции.

Дело происходило таким образом. «Вскоре по приезде Скобелева в Париж к П. Л. Лаврову явился спутник Скобелева, состоявший при нем в звании официального или частного адъютанта, и передал Лаврову следующее от имени своего патрона: генералу Скобелеву крайне нужно повидаться с Петром Лавровичем для переговоров о некоторых важных вопросах. Но ввиду служебного и общественного положения Скобелева ему очень неудобно прибыть самолично к Лаврову. Это слишком афишировало бы их свидание, укрыть которое при подобной обстановке было бы очень трудно от многочисленных глаз, наблюдающих за ними обоими. Ввиду этого он просит Лаврова назначить ему свидание в укромном нейтральном месте, где они могли бы обсудить на свободе все то, что имеет сказать ему Скобелев. Петр Лавров, этот крупный философский ум и теоретик революции, в делах практики и революционной политики оказывался очень часто настоящим ребенком. Он наотрез отказался от предлагавшегося ему свидания, и, так как в ту минуту в Париже не оказалось никого из достаточно компетентных и осведомленных революционеров (народовольцев), которым он мог бы сообщить о полученном им предложении, на этом и кончилось де-

³⁵ «Речь ген. Скобелева в Париже, 1882 г.», стр. 223—225.

³⁶ К. П. Победоносцев, Письма и заметки. М.—Пг., 1923, стр. 83.

³⁷ Там же, стр. 275.



Граф М. Т. Лорис-Меликов.



Генерал М. И. Драгомиров.

ло. Впоследствии, в 1885 году, мне, — вспоминает С. Иванов, — пришлось говорить с Петром Лавровичем об этом инциденте и выразить сожаление, что Лавров отклонил подобное свидание и не использовал такой благоприятный случай.

— Да помиуйте! — воскликнул Лавров с искренним, неподдельным изумлением. — Ну об чем бы стал я говорить с генералом Скобелевым!»³⁸

Эта попытка Скобелева установить контакт с одним из вождей народовольцев, видимо, в какой-то степени была связана с теми отношениями, которые в это время стали устанавливаться у некоторых генералов с членами военной организации партии «Народная воля». Известно, в частности, что в 1882 году «майором Тихоцким велись в Петербурге беседы на политические темы с генералом Драгомировым, занимавшим тогда пост начальника Николаевской академии Генерального штаба. Разговоры эти, которые касались, между прочим, вопроса о задачах военной революционной организации, Драгомиров заключил, по словам Тихоцкого, следующей до-

словную фразу: «Что же, господа, если будете иметь успех — я ваш»³⁹.

Э. А. Серебряков в своих мемуарах пишет: «Буцевич завел связи с некоторыми из высокопоставленных лиц. Не могу теперь вспомнить, каким образом и под каким предлогом он заручился обещанием известного генерала Драгомирова дать статью о русской армии для нелегального издания»⁴⁰.

Но ведь Драгомиров, как это хорошо известно, был еще со времен русско-турецкой войны одним из наиболее близких к Скобелеву из числа высших руководителей армии. Жена Драгомирова вспоминала: «Мне всегда казалось, что М. Д. Скобелев ощущал нравственную моральную силу Михаила Ивановича, уважал и любил его, насколько мог уважать и любить кого-ли-

³⁸ С. Иванов, К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов. «Былое», 1907, № 9/21, стр. 199.

³⁹ С. Иванов, ук. соч., стр. 199.

⁴⁰ Э. А. Серебряков, Революционеры во флоте. «Беседа», 1907, № 4, стр. 198—199.

бо»⁴¹. Поэтому вполне естественно сделать предположение, что предпринятые «белым генералом» шаги в отношении Лаврова в значительной степени связаны с теми переговорами, которые велись Драгомировым в Петербурге.

Скобелев, конечно, не был революционером и, безусловно, ни в коей мере не сочувствовал идеалам «Народной воли». Его попытки установить связь с подпольем диктовались совершенно иными соображениями. В связи с этим целесообразно привести письмо «известного писателя» (мы думаем, что речь идет о В. И. Немирович-Данченко, бывшем в близких отношениях со Скобелевым), которое было опубликовано в книге В. Я. Богучарского о политическом движении в России конца прошлого века⁴².

Вот что говорится в этом письме: «Я только из вашей статьи узнал, что в 1882 г. Скобелев искал в Париже свидания с Лавровым. В половине 80-х годов я, однако, слышал в Петербурге, что он через... (идет имя одного в то время считавшегося большим «либералом», но впоследствии таковым вовсе не оказавшегося) генерала (похоже, что речь идет о М. И. Драгомирове. — В. В.) пробовал закинуть ниточку в революционные кружки. Это тогда меня не особенно удивило. Чтобы понять Скобелева, надо помнить, что это был не только человек огромного честолюбия, но, когда надо было, и политик — политик даже в тех случаях, когда могло казаться, что он совершает политические бестактности. В последние годы он, несомненно, создал себе такое *сredo*: правительство (в смысле старого режима) отжило свой век, оно бессильно извне, оно также бессильно и внутри. Что может его низвергнуть? Конституционалисты? Они слишком слабы. Революционеры? Они тоже не имеют корней в широких массах. В России есть только одна организованная сила — это армия, и в ее руках судьбы России. Но армия может подняться лишь как масса, и на это может ее подвинуть лишь такая личность, которая известна всякому солдату, которая окружена славой сверхгероя. Но одной популярной личности мало, нужен лозунг, понятный не только армии, но и широким массам. Таким лозунгом может быть провозглашение войны немцам за освобождение и объединение славян. Этот лозунг сделает войну популярною в обществе. Но как ни слабы революционные элементы, и их, однако, игнорировать не следует, — по меньшей мере как отрицатель-

ная сила они могут создать известные затруднения, а это нежелательно. В известных случаях Скобелев мог говорить о борьбе с «нигилизмом», но на самом деле вряд ли он об этом думал. Движущая и важнейшая цель у него была другая, и она всегда поглощала его»⁴³.

Такова скорее всего была истинная причина всех этих странных на первый взгляд событий. «Цель оправдывает средства!» — лозунг вполне приемлемый для «белого генерала», любившего повторять: «Всякая гадина может когда-нибудь пригодиться. Гадину держи в решпекте, не давай ей много артачиться, а придет момент — пусти ее в дело и воспользуйся ею в полной мере... Потом, коли она не упорядочилась, выбрось ее за борт!.. И пускай себе захлебывается в собственной мерзости... Лишь бы дело сделала!»

Ожесточенный шум на всю Европу и грозный окрик разгневанного самодержца, судя по всему, не испугали М. Д. Скобелева, а может быть, это и было то, чего он усиленно добивался. Правда, в Петербург он ехал готовый ко всему. По дороге из Вильно генерал писал одному из своих друзей: «Наскоро пишу несколько слов, вероятно, до очень скорого свидания, так как меня известили, что меня ожидает неудовольствие государя и отставка. Какую пользу в отставке я смогу принести отечеству, об этом поговорим позже».

Несколькими днями раньше, из Варшавы, он обращался к И. С. Аксакову со следующим посланием: «Спокойно вглядываясь в положение дел, я предвижу отставку. Пруссак давно этого добиваются, как я знаю с того дня, когда перед Геоктепинским походом я отказался наотрез допустить к войскам племянника графа Мольтке, причем прямо высказал мнение, что позорно на русской крови и деньгах учить будущего неприятельского офицера. Моя патриотическая совесть мне и теперь подсказывает, что я был прав, но в Берлине к этому не привыкли, да и не любят».

Следует отметить, что в это время «немец» стал для Скобелева и его друзей своеобразным защитным цветом. Все не-

⁴¹ С. А. Драгомирова, Скобелев. «Исторический вестник», 1915, март, стр. 797.

⁴² В. Я. Богучарский, Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М., 1912.

⁴³ В. Я. Богучарский. ук. соч., стр. 164.

приятности объяснялись только одним — немецкими происками. Вся «травля», по выражению Скобелева, после возвращения в Россию, выражавшаяся, например, в запрещении «офицерам конногвардейского полка принять от него обед в ответ на два обеда, которыми был удостоен»; запрет «послать свой портрет для помещения в дежурной комнате Австрийского полка, как того просили офицеры», рассматривались им как якобы «иллюстрация силы немецкой партии».

Друзья Скобелева придерживались подобного же мнения. В. Чичерин в одном из своих писем к нему даже опасался, как бы «какой-нибудь проклятый немец его не подстрелил».

Все это необычайно усиливало популярность «белого генерала», то есть происходило именно то, к чему он так стремился и чего он так упорно добивался. Речь в Париже сработала в этом отношении отлично.

«Какое назначение может возвысить вас, — пишет ему О. А. Новикова, — разве вы уже не стоите выше всевозможных чиновников и министров?»

«Ради бога, береги себя, — беспокоится В. Чичерин, — ты теперь принадлежишь еще более, чем когда-либо, России. Я, как старая нянька, пишу тебе, не сердись за глупые слова, но ты знаешь, что люблю тебя —

И вашей славою и вами,
Как нянька старая горжусь».

Действительно, народная популярность Скобелева в последние месяцы жизни достигала невиданного до сих пор масштаба, часто принимая совершенно необычные для России того времени формы. Если возвращение из Туркестана было триумфальным шествием полководца, то поистине царские встречи Скобелева населением во время маневров 4-го корпуса не имели прецедентов.

Народ встречал «белого генерала» с хлебом-солью, а в Могилеве, где стояла 16-я дивизия, командуя которой он проделал Балканский поход, въезд Скобелева в город поздно вечером происходил при свете факелов, среди стоявших шпалерами войск. Выйдя из экипажа, генерал шел с непокрытой головой по улицам, запруженным людьми. Весьма своеобразной была и встреча в Бобруйске, где навстречу вышло все духовенство, возглавляемое каноником Сенчиковским.

Преклонение перед Скобелевым принимало в некоторых случаях мистический характер, доходя порой до курьезов. «В июле приехал в Москву государь Александр III с государыней, — вспоминает В. Ф. Духовская, — делая смотр войскам на Ходынском поле... После смотра государь пригласил всех начальников частей на завтрак в Петровский дворец. Весь двор дворца был запружен экипажами, многие из свиты государя заходили к нам, в том числе и Скобелев, который поцеловал мне руку, на что моя мама воскликнула: «Какая ты счастливая», а другая восторженная дама стала осматривать мою руку, не оказалась ли на ней звезды после прикосновения губ героя»⁴⁴.

Вернемся, однако, в Петербург.

Военный министр генерал Ванновский встретил М. Д. Скобелева выговором, но последний, «как высокопревосходительный (Ванновский только превосходительный), принял это очень фамильярно и сказал, что он сам сожалеет»⁴⁵. Столь же благополучно обошлась и встреча с императором, во время которой Скобелеву каким-то образом удалось отвести от себя его гнев.

Предоставим слово генералу Витмеру, которому об этой встрече рассказывал дежурный свитский генерал. Император, «когда доложили о приезде Скобелева, — вспоминает Витмер, — очень сердито приказал позвать приехавшего в кабинет. Скобелев вошел туда крайне сконфуженным и — по прошествии двух часов вышел веселым и довольным». Витмер добавляет (передавая быстро распространившееся тогда общее мнение): «Нетрудно сообразить, что если суровый император, не любивший шутить, принял Скобелева недружелюбно, то не мог же он распекать целых два часа! Очевидно, талантливый честолюбец успел заразить миролюбивого государя своими взглядами на нашу политику в отношении Германии и других соседей»⁴⁶.

В. И. Немирович-Данченко пишет об этом свидании: «В высшей степени интересен рассказ его (Скобелева. — В. В.) о приеме в Петербурге. К сожалению, его нельзя еще передать в печати. Можно сказать только одно — что он выехал отсюда

⁴⁴ В. Ф. Духовская. Из моих воспоминаний. Спб., 1900, стр. 132.

⁴⁵ Г. А. де Воллан, Очерки прошлого (дневник за 1882 г.). «Голос минувшего», 1914, № 6, стр. 143.

⁴⁶ «Русская старина», 1908, т. XXXVI, стр. 696.



полный надежд и ожидания на лучшее для России будущее»⁴⁷.

Но в действительности не все было столь хорошо и гладко. Правительство запретило военным служащим произнесение публичных речей. Это решение произвело на Скобелева отрицательное впечатление, и в один момент он даже собирался подать в отставку. Его от этого решения отговорил генерал Обручев, сказавший, что этим он поставит императора в затруднительное положение. Обозленный Скобелев на это ответил: «Неужели вы ожидаете чего-нибудь от ...?»

Во время своего пребывания в Петербурге Скобелев стремился усыпить подозрения не только самого Александра III, но и других влиятельных государственных деятелей. Известно, что он специально заводил разговоры о своих речах с таким, например, министром, как граф П. А. Валуев. У них произошло два «случайных» разговора в Английском клубе. Инициатором оба раза был генерал, к которому Валуев относился с большим подозрением. Скобелев, не жалея красноречия, внушал министру, что его речи, а также поездка в Париж, Женеву и Цюрих были продиктованы лучшими побуждениями — поднять воинственный патриотизм для того, чтобы с помощью его содействовать успеху борьбы с нигилизмом и тем самым укрепить положение царствующей династии.

Результатом этих разговоров было то, что недоверчивый и осторожный Валуев, которому никак нельзя отказать в уме, поддался красноречивым заверениям Скобелева и поверил в то, что основными мотивами его поступков действительно была только ненависть к радикализму. Настолько обаятельным и прямодушным, когда это было надо, мог казаться «белый генерал».

После внешних успехов в Петербурге настроение Скобелева стало еще более тревожным. Он, вероятно, понимал, что идет по ниточке и каждую минуту может сорваться. Его мучали дурные предчувствия.

Примечательным в этом плане представляется его разговор с Дукмасовым, любимым адъютантом, во время Балканской кампании. «Это постоянное напоминание о смерти Михаилом Дмитриевичем, — пишет тот, — крайне дурно действовало на меня, и я даже несколько рассердился на генерала.

— Что это вы все говорите о смерти! — сказал я недовольным голосом. — Положим, это участь каждого из нас, но вам

еще слишком рано думать о могиле... Только напрасно смущаете других. Ведь никто вам не угрожает смертью!

— А почему вы знаете? Впрочем все это чепуха! — прибавил он быстро.

— Конечно, чепуха! — согласился я»⁴⁸.

Не менее характерны и воспоминания В. И. Немировича-Данченко, в которых находим следующий рассказ: «Смерть неожиданная... неожиданная для других, но никак не для него... Я уже говорил о том, как он не раз выражал предчувствия близкой кончины друзьям и интимным знакомым. Весною прошлого года (то есть 1882-го. — В. В.), прощаясь с доктором Щербаком, он опять повторил то же самое.

— Мне кажется, я буду жить очень недолго и умру в этом же году!..

Приехав к себе в Спасское, он заказал панихиду по генералу Кауфману.

В церкви он все время был задумчив, потом отошел в сторону, к тому месту, которое выбрал сам для своей могилы и где лежит он теперь, непонятный в самой смерти.

Священник, о. Андрей, подошел к нему и взял его за руку.

— Пойдемте, пойдемте... Ранно еще думать об этом...

Скобелев очнулся, заставил себя улыбнуться.

— Ранно?.. Да, конечно, ранно... Повоюем, а потом и умирать будем...

Прощаясь с одним из своих друзей, он был полон тяжелых предчувствий.

— Прощайте!

— До свидания...

— Нет, прощайте, прощайте... Каждый день моей жизни — отсрочка, данная мне судьбой. Я знаю, что мне не позволят жить (подчеркнуто нами. — В. В.). Не мне докончить все, что я задумал. Ведь вы знаете, что я не боюсь смерти. Ну, так я вам скажу: судьба или люди скоро подстерегут меня. Меня кто-то назвал роковым человеком, а роковые люди и кончают всегда роковым образом... Бог пощадил меня в бою... А люди... Что же, может быть, в этом искупление. Почему знать, может быть, мы ошибаемся во всем и за наши ошибки расплачиваются другие!..

И часто, и многим повторял он, что смерть уже сторожит его, что судьба готовит ему неожиданный удар».

⁴⁷ В. И. Немирович-Данченко, ук. соч., ч. 2, стр. 146.

⁴⁸ П. Дукмасов, ук. соч., стр. 457.

Согласитесь, что все эти разговоры кажутся весьма странными. Создается впечатление, что речь идет не о предчувствии, а о каких-то вполне конкретных подозрениях, основанных на точных и имеющих основание данных.

За это свидетельствует и то, что М. Д. Скобелев, видимо, предполагал, что его переписка служит предметом пристального внимания со стороны соответствующих органов. Так, в письме от 21 мая 1882 года И. С. Аксаков жалуется генералу: «Хотел бы вам писать по почте, но к этому способу корреспонденции при чудовищном развитии праздного любопытства в почтовом ведомстве прибегаю неохотно».

В мае 1882 года Скобелев последний раз посетил Париж. Здесь он, по словам де Вогюэ, продолжал фрондировать по отношению к Александру III, открыто высказывая свое неодобрение внутренней и внешней политики правительства и весьма пессимистически высказываясь о будущей судьбе России.

Вернувшись из Франции, М. Д. Скобелев начал лихорадочно готовиться к чему-то. Посетившему его князю С. С. Оболенскому «белый генерал» заявил, что собирается ехать в Болгарию, где вскоре начнется настоящая война. «Но надо взять с собою много денег, — добавил он, — я все процентные бумаги свои реализую, все продам. У меня на всякий случай будет миллион денег с собою. Это очень важно — не быть связанным деньгами, а иметь их свободными. И это у меня будет: я все процентные бумаги обращаю в деньги...»⁴⁹

Через несколько дней после этого С. С. Оболенский вновь навестил Скобелева в Петербурге. Тот отдавал распоряжения о продаже бумаг, облигаций, золота, акций и т. п.

«Все взято из государственного банка, все продано, и собирается около миллиона, — сказал Михаил Дмитриевич, — да из Спасского хлеб продается — он в цене, будет и весь миллион».

Когда к нему обратились с просьбой дать взаймы 5000 рублей, обычно исключительно щедрый и добрый, Скобелев отказал.

«Не могу дать никаким образом, — ответил он, — я реализовал ровно миллион и дал себе слово до войны самому не тратить ни копейки из этого миллиона. Кроме жалованья, я ничего не проживаю, а миллион у меня наготове, на случай — будет надобность ехать в Болгарию».

Разговоры о Болгарии, конечно, не стоили и выеденного яйца, это была обычная маскировка «дельфийского оракула». Деньги нужны были для чего-то совершенно иного. Речь шла не о войне, а какой-то политической комбинации, для которой необходимо было иметь на руках совершенно свободные наличные деньги.

Для чего?

Об этом можно только гадать.

Получив месячный отпуск, 22 июня 1882 года М. Д. Скобелев выехал из Минска, где стоял штаб 4-го корпуса, в Москву. Его сопровождали несколько штабных офицеров и командир одного из полков барон Розен. По обыкновению он остановился в гостинице «Дюссо», предполагая, как, во всяком случае, говорилось, 25-го выехать в Спасское, где генерал думал пробыть «до больших маневров» и куда он приглашал приехать погостить генерала Гродекова.

В день своего приезда в Москву, 25-го числа, Скобелев встретился с князем С. С. Оболенским. По словам последнего, генерал был не в духе, не отвечал на вопросы, а если и отвечал, то как-то отрывисто. По всему было видно, что его что-то тревожило.

«Да что с вами, наконец? — спросил Оболенский. — Сердитесь из-за пустяков. Вам, должно быть, нездоровится?»

Скобелев ответил не сразу.

«Да что, — задумчиво протянул он, меня шагами небольшой кабинет «Славянского Базара», — мои деньги пропали...»

«Какие деньги? — удивился князь. — Бумажник украли у вас?»

«Какой бумажник! Мой миллион... Весь миллион пропал бесследно».

«Как? Где?»

«Да и сам ничего не знаю, не могу ни до чего добраться... Вообразите себе, что Иван Ильич (Маслов, крестный отец Скобелева, очень близкий к нему человек. — В. В.) реализовал по моему приказанию все бумаги, продал золото, хлеб и... сошел с ума на этих днях. Я и не знаю, где теперь деньги. Сам он невменяем, ничего не понимает. Я несколько раз упорно допрашивал его, где деньги. Он в ответ чуть не лает на меня из-под дивана. Впал в полное сумасшествие... Я не знаю, что делать...»

⁴⁹ С. С. Оболенский. Наброски из прошлого. «Исторический вестник», 1895, январь, стр. 102.

Однако весь этот рассказ не внушает большого доверия, и история с миллионом продолжает оставаться и по сей день одной из многочисленных тайн, окружающих имя «белого генерала».

24 июня Скобелев был у И. С. Аксакова и оставался у него до 11 часов вечера. Он принес с собой связку каких-то документов и просил сохранить их, сказав при этом: «Боюсь, что у меня их украдут. С некоторых пор я стал подозрителен».

На другой день состоялся обед, устроенный бароном Розеном в честь получения очередной награды. За столом находилось шесть-семь человек. В том числе, кроме Скобелева и Розена, адъютант генерала Эрдели, военный доктор Вернадский, личный врач Михаила Дмитриевича, бывший адъютант полковник Баранок и еще кто-то⁵⁰.

Скобелева во время обеда не покидало мрачное настроение.

«А помнишь, Алексей Никитич, — обратился он к Баранку, — как на похоронах в Геок-Тепе поп сказал — слава человеческая, аки дым преходящий... подгулял поп, а... хорошо сказал».

После обеда М. Д. Скобелев отправился в гостиницу «Англия»...

Около полуночи здесь начался переполох.

М. Д. Скобелев ужинал в отдельном кабинете с одной или двумя дамами полусвета.

Внезапно ему стало дурно.

Пока бегали за врачом, «белый генерал» умер.

Вскрытие производил прозектор Московского университета профессор Нейдинг. В протоколе было сказано: «Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно».

Никогда раньше на свое сердце Скобелев не жаловался, хотя его врач во время Туркестанского похода, О. Ф. Гейфельдер, и находил у генерала признак сердечной недостаточности. «Сравнительно с ростом и летами, — говорит он, — пульс у Скобелева был слаб и мелкий, и соответственно тому деятельность сердца слаба, и звуки сердца, хотя и частые, но глухие. Этот результат аускультации и пальпации, состояние всех вен и артерий, насколько они доступны наружному осмотру, вместе с патологическим состоянием вен, дали мне основание заключить о слабо развитой сосудистой системе вообще и в особенности о слабой мускулатуре сердца»⁵¹.

Однако при этом, в известной степени

опровергая свое заключение, Гейфельдер отмечает совершенно необыкновенную выносливость и энергию Скобелева, который мог сутками находиться на коне, совершать длительные переходы, сохраняя бодрость и способность после этого не спать по нескольку суток. Это не вяжется со сделанным заключением и позволяет предполагать, что в действительности сердечная система Скобелева не была в столь плохом состоянии, чтобы стать причиной преждевременной смерти.

Мало верили в официальную версию и большинство современников Скобелева. Характерно брошенное вскользь замечание В. И. Немировича-Данченко: «Не тогда ли у него стала развиваться болезнь сердца, сведшая его в раннюю могилу, если только эта болезнь у него была?» (Подчеркнуто нами. — В. В.)⁵².

Клубок легенд и слухов вокруг трагедии в московской гостинице стал расти, как только распространилась весть о случившемся. Высказывались самые различные, взаимоисключающие друг друга предположения, но все они в конечном итоге сводились к одному — смерть М. Д. Скобелева не была естественной, а связана с таинственными обстоятельствами, имевшими прямое отношение к высокой политике.

Одни говорили об убийстве, другие о самоубийстве.

Передавая широко муссируемый в России слух, одна из европейских газет писала, что «генерал совершил этот акт отчаяния, чтобы избежать угрожавшего ему бесчестия вследствие разоблачений, удостоверяющих его в деятельности нигилистов»⁵³.

Большинство, однако, склонялось к тому, что Скобелев был убит.

Наиболее распространенным было мнение, что «белый генерал» пал жертвой германской ненависти. Присутствие при его смерти немки Ванды придавало этим слухам, казалось, большую достоверность⁵⁴.

⁵⁰ П. Агапеев, Из воспоминаний о генерале М. Д. Скобелеве. «Русская старина», 1914, № 10, стр. 85.

⁵¹ О. Ф. Гейфельдер, Воспоминания врача о М. Д. Скобелеве, 1880—1881 гг. «Русская старина», 1886, № 10, стр. 398.

⁵² В. И. Немирович-Данченко, ук. соч., ч. 1, стр. 41.

⁵³ «Gaulois», 10 juillet, 1882 г.

⁵⁴ Вл. Марков, Из воспоминаний о белом генерале. «Русская старина», 1913, февраль, стр. 436.



Особенно отстаивала данную версию Ж. Адам. Она утверждала, что в ее распоряжении имеются бесспорные доказательства в виде соответствующих документов, из которых следует, что М. Д. Скобелев был отравлен двумя кокотками, специально подосланными из Берлина. Однако все попытки Н. Н. Кнорринга познакомиться с этими документами окончились безрезультатно. Наследники Ж. Адам сказали, «что в ее архиве никаких следов о ген. Скобелеве вообще не обнаружено»⁵⁵. Это весьма странно, поскольку сама Ж. Адам много писала об этих материалах, якобы хранящихся у нее.

«Замечательно, — отмечает Е. Толбухов, — что и в интеллигентных кругах держалось такое же мнение. Здесь оно выражалось даже более определенно: назывались лица, которые могли участвовать в этом преступлении, направленном будто бы Бисмарком... Этим же сообщением Бисмарка приписывалась пропаша плана войны с немцами, разработанного Скобелевым и выкраденного тотчас после смерти М. Д. из его имения»⁵⁶.

Поддерживал эту версию и личный друг царя, один из вдохновителей реакции, князь Н. Мещерский, писавший в 1887 году Победоносцеву: «Со дня на день Германия могла наброситься на Францию, раздавить ее. Но вдруг благодаря смелому шагу Скобелева сказала впервые общность интересов Франции и России, неожиданно для всех и к ужасу Бисмарка. Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы. Скобелев пал жертвою своих убеждений, и русские люди в этом не сомневаются. Пали еще многие, но дело было сделано»⁵⁷.

Интересно здесь не то, что спустя пять лет после смерти Скобелева Мещерский намекает на германскую разведку, а то, что этот весьма осведомленный человек признает, что Михаил Дмитриевич умер неестественной смертью.

По другой версии, М. Д. Скобелев был отравлен бокалом вина, присланным ему из соседнего номера какой-то подгулявшей компанией, пившей за здоровье «белого генерала». В этом случае дело объясняется уже не немцами, а происками самого императора Александра III.

Дюбюк передавал впоследствии, что буд-то бы в связи с антиправительственной деятельностью Скобелева был учрежден особый тайный суд под председательством великого князя Владимира Александровича, который большинством 33 голосов из 40 приговорил генерала к смерти, причем ис-

полнение приговора было поручено полицейскому чиновнику»⁵⁸.

В. И. Немирович-Данченко, глубоко убежденный в том, что Скобелев был убит агентами «священной дружины», утверждает, что убийство было совершено по приговору, подписанному одним из великих князей и графом Б. Шуваловым, личным другом императора и влиятельным руководителем «дружины»⁵⁹.

Ю. Карцев сообщает в своих воспоминаниях другой вариант. «По другой версии, — пишет он, — Скобелев убит ординарцем своим М. и по наущению священной дружины. Этот офицер занимал при нем амплуа *intendant des menus plaisirs* и не пользовался уважением других приближенных. М. А. Хитрово мне рассказывал, как, возвращаясь с похорон Скобелева, он был свидетелем следующей сцены. На одной из станций Баранок (впоследствии известный ревизор военного хозяйства) по какому-то поводу подошел к М. и сбил с него фуражку. М. обратился к Хитрово с вопросом, должен ли он поступок Баранка считать за оскорбление или нет, на что Хитрово ответил: «Ничего не могу вам посоветовать. Это зависит от взгляда». Оргию в *Hotel d'Angleterre* устраивал М. и часа за два приехал предупредить Михаила Дмитриевича: все, дескать, готово. Что М. был негодяй, это более чем вероятно, но отсюда до обвинения его в убийстве еще далеко. Деятели священной дружины, насколько мне случалось их наблюдать, более помышляли о чинах и придворных отличиях: взять на себя деяние кровавое и ответственное они бы не решились...»⁶⁰

И вот тут стоит усомниться в высказываниях, вернее, соображениях Карцева. «Священная дружина» была куда более решительной и страшной организацией, нежели это представляется ему.

После убийства народовольцами Александра II в состоянии полной растерянности

⁵⁵ Н. Н. Кнорринг, ук. соч., стр. 274.

⁵⁶ Е. Толбухов, Скобелев в Туркестане. «Исторический вестник», 1916, октябрь, стр. 108.

⁵⁷ К. П. Победоносцев, Письма и заметки, стр. 727.

⁵⁸ «Голос минувшего», 1917, № 5—6, стр. 102.

⁵⁹ «На кладбищах. Воспоминания». Ревель, 1921, стр. 69.

⁶⁰ Ю. Карцев, ук. соч., стр. 95—96.

находилась не только императорская семья, но и весь правящий мир. Петербург был полон слухов о новых готовящихся покушениях. Террористов искали даже в великокняжеских дворцах. Победоносцев, один из немногих не потерявших голову, указывал на Мраморный дворец великого князя Константина Константиновича как на главный источник «крамолы» и писал, что не успокоится до тех пор, пока не будет выслана из России княгиня Юрьевская, морганатическая супруга покойного императора. Грубейшее суеверие усиливало панику в придворных кругах. Распространялись слухи, что покойный Александр II бродит по Казанскому собору и предвещает своему сыну близкую смерть.

В этой атмосфере панического страха перед революцией и отчаянной борьбой за власть и родилась идея «священной дружины». Идея заключалась в образовании особого тайного общества убежденных монархистов, которые повели бы в подполье контрреволюционную террористическую борьбу, выслеживали бы революционеров-народовольцев, узнавали тайны и убивали наиболее опасных заговорщиков.

«Священная дружина» совмещала в себе черты Третьего отделения, масонских лож и подпольных организаций. Состав центрального комитета этой организации до сих пор не известен полностью. Вероятно, в него входили и сам император и великий князь Владимир Александрович, бывший начальник Петербургского военного округа. Руководители вербовались из высшего дворянства, преимущественно из придворной аристократии. Все они значились под цифрами, а не под именами. Для непосредственной работы в Петербурге и Москве были образованы «попечительства», в которые привлекались и представители финансовой и промышленной буржуазии. Дальше шли «пятерки», куда могли входить и люди более простого происхождения. В провинции были организованы «инспектуры», ведавшие, в свою очередь, системой тайных «пятерок». Все вступающие в «священную дружину» приносили очень пространную и торжественную присягу, в которой ради спасения царя обязывались даже отречься в случае необходимости от семьи. Была организована и шпионская служба в виде бригад сыщиков и заграничной агентуры⁶¹.

Конспирация в «дружине» была налажена настолько хорошо, что ее история вплоть до сегодняшнего дня остается в значительной степени неизвестной. Деятельность «дружины» одно время приобрела довольно

значительный размах и привела к определенным результатам. Среди членов были «смертники», поклявшиеся «разыскать революционеров князя Кропоткина, Гартмана и убить их»⁶².

У М. Д. Скобелева с самого начала с членами «священной дружины» сложились весьма натянутые отношения. Он отказался вступить в ее ряды и не скрывал своего отрицательного и даже презрительного отношения к этой организации. «Рассказывают, — пишет руководитель тайного сыска «дружины» генерал Смелский, — что когда Скобелев, известный герой, приехал в Петербург и, желая получить в гостинице, где остановился, поболее комнат и услыхав, что более того, что ему дали, не могут отвести и других номеров, так как они заняты офицерами-кавалергардами, Скобелев проговорил иронически: «Экс-дружинниками», — то слова эти были доведены до сведения великого князя Владимира Александровича и государя, и вследствие этого Скобелев был приглашен к военному министру Ванновскому. Ванновский спросил его: правда, что он это сказал? И Скобелев ответил: «Да, это правда, и скажу при этом, что, если бы я имел хоть одного офицера в моем корпусе, который бы состоял членом тайного общества, то я его тотчас удалил бы со службы. Мы все приняли присягу на верность государю, и потому нет надобности вступать в тайное общество, в охрану».

Этого, конечно, недостаточно, чтобы стать жертвой тайной организации. Гораздо более существенными представляются доводы, связанные с той политической деятельностью, которую развивал Скобелев в последний год своей жизни и которая, естественно, совершенно противоречила тому, что поклялись защищать члены «священной дружины». Деятельность Скобелева представляла непосредственную угрозу самому самодержавцу, который никогда не был расположен к «белому генералу» и относился к нему с большим предубеждением. Для этого были причины. Царь, бесспорно, знал о тех слухах, которые ходили в народе, а в некоторых из них усиленно будировалось предположение, что во время коронации будет совершен дворцовый переворот и Скобелев займет императорский трон под

⁶¹ См.: Д. Заславский. Взволнованные лоботрясы. М., 1931, стр. 12—15.

⁶² В. Н. Смелский, Священная дружина. «Голос минувшего», 1916, № 1, стр. 231.

именем Михаила III. Невозможно сказать, насколько это соответствовало действительности, но энергичная деятельность Скобелева, конечно, давала повод для подозрений.

Судить «белого генерала», даже в том случае, если в распоряжении правительства и были неопровержимые документы, не представлялось возможным. Слишком популярен в России, среди самых широких масс народа и, конечно, в армии, был Скобелев. Велика была его популярность и у зарубежных славян. Это было знамя! Избавиться от него можно было только тайным, по возможности незаметным путем.

«Священная дружина» для этого была самым подходящим инструментом.

Все это, конечно, одни предположения. Тайна смерти М. Д. Скобелева до сего времени остается нераскрытой, и пока нет никаких оснований для того, чтобы она была выяснена.

Ясно только одно — вся деятельность М. Д. Скобелева в 1881—1882 годах, двусмысленные свидетельства современников, странные совпадения и обстоятельства дают полное право сомневаться в том, что трагедия в «Англии» не была связана с преступлением. Все это дает основания полагать, что здесь произошло политическое убийство, имевшее прямое отношение к той борьбе самодержавия с противостоящими ему силами, которая развернулась в России в конце прошлого века.

В пользу этого предположения в известной степени свидетельствует и тот факт, что, по рассказам очевидцев, лицо покойного Скобелева имело необычайно желтый цвет и на нем очень быстро стали выступать странные синие пятна. Известно, что подобное может иметь место при отравлении некоторыми сильнодействующими ядами.

Весьма примечательна и судьба личного архива Скобелева, также наводящая на размышления и показывающая, что его особа чрезвычайно интересовала тайную полицию.

Сейчас же после смерти генерала все документы и материалы, находившиеся в его квартире в Минске, «всего по описи 28 июня 1882 г. 36 номеров всевозможных пакетов, папок, свертков и т. д., десять записных книжек», все эти бумаги, найденные на столе и в шкафу, «опечатаны в деревянном сундуке, соломенном ящике и отдельном тюке» и, по словам начальника штаба 4-го корпуса генерала Духонина, отправлены в Петербург (об этом имеется письмо генерала Духонина к графу Адлербергу, хранящееся в личном архиве князя Белосельского-Белозерского в Лондоне). Туда же были отправлены и документы, затребованные от редактора «Руси» И. С. Аксакова, редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, графа А. В. Адлерберга и некоторых других лиц⁶³.

Это неоспоримо свидетельствует о том, что на Скобелева велось специальное дело и его документы представляли большую государственную ценность.

Расставив множество вопросительных знаков и, по сути дела, не решив ни одного из вопросов, связанных с загадочной судьбой Михаила Дмитриевича Скобелева, нам остается только одно — выразить надежду, что в будущем благодаря совместным усилиям многих специалистов удастся сдвинуть покров тайны, по сей день окружающей колоритную фигуру «белого генерала». В характере этого сложного человека тесно переплелись патриотизм и честолюбие, доходившее до авантюризма; либеральные настроения и шовинизм; вера в славянскую идею и мечты о бонапартизме.

Разобраться во всем этом трудно, в некоторых случаях невозможно. Однако бесспорно, что 26 июня 1882 года из жизни ушел человек громадного ума и блестящих способностей, наложивший большой отпечаток на общественное настроение России 70—80-х годов прошлого века.

⁶³ Н. Н. Кнорринг, ук. соч., т. 1, стр. 5—6.

7 ПРОМЕТЕЙ 7

ПРОМЕТЕЙ



Издательская группа: Сергей Слипченко, Михаил Быков
Дизайн - Наталья Ионова

При подготовке издания использован материал,
опубликованный в историко-биографическом альманахе «Прометей», том 7, 1969 г.

Отпечатано в типографии «Лантана принт» © «В-С XXI»
13.04.2019 г.

